ФРОЛОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА
ГИМНАЗИЯ 1522, 10 КЛАСС
МОСКВА
№3058

ТЕТРАДЬ

для _____

_____

учени_____класса_____

_____школы_____

_____

_____

51959

Вихід. 12:24

Вхід. 12:25

2.

"Как грустно мне, я горы вижу, мои родные края теряю зрение"

Фамилия Лермонтова если не парадоксальна, то, по крайней мере, знакома всем. Даже не читавший его стихов на вопрос "кто такой Лермонтов?" ответит: "один из отцов русской поэзии". Вокруг его имени — точные факты его биографии, десятки вариантов толкования его творчества. Сконцентрированные в его фамилии сонорные отдаются звоном в ушах, как только слышишь их — в сознании возникает набор образов — мифологических и конкретных, гармоничных и хаотичных — Кавказ, любовь, Печорин, пули, музыка, война, боль, бесконечность. Всё, казалось, пройдено и усвоено учениками девятых классов.

Но [redacted], уже многие годы спустя, когда авторитеты, казалось бы, приемлемы и поэтический язык требует новых форм, учение слова, поэты, ломали голову над использованием Лермонтовским

51959

феноменом. Писали „им", „под него", о нём — по-разному. Его истории уже достойна поэмы, и часто в стихотворениях авторов двадцатого и даже двадцать первого века проскальзывает благоговейный страх перед силой Лермонтова и силой его мифа/мира, звучат признания, вызовы, попытки, благодарности — открытые или, напротив, совсем невидимые.

Авторы приведённых стихотворений в сочетании составляют портрет Лермонтова — но то не портрет в целом внешний, или исключительно биографический / творческий. Это портрет образа, изображение Лермонтова как мифического явления в русской поэзии, растворённого в ней и рассеянного по ней до такой степени, что порой не видно, в чём Лермонтов „спрятан". Об этом я и хочела сказать.

В „Мелодии" Георгий Иванов хочет понять Лермонтовскую „музыку" =

- хрупкую и увядающую, словно цветок, но воскресающую во всём поэтическом мире и вечную в своём полёте («ветром», «песком», «молитвой»..). Тем более музыка Лермонтова была хрупка, чем сильнее он её «овеществлял». Так, Иванов по строкам пересказывает на «бородино-подобные» темы лермонтовской поэзии, говорит об их звучании в текущих, но торжественных деталях («тишина взгляда, синева знамён» -). И далее, в почти по лермонтовском бреду «мысли.. Тамань.» - бессвязный лепет героя ушедшего, но всё же нашего времени, и которому внимательно прислушиваются цветы.

Когда поэты пытаются подобрать слова, рисуя портрет Лермонтова, их речь и правда схожа с лепетом, и Владимир Корнилов подтверждает, признаётся, поэты-дети с их напряжённым обаянием, беззлобной завистью и желанием быть похожими на... Но и сам Михаил Юрьевич у Корнилова - слегка дитя,

тот же борец со словом, более сильный
враг. Враг давно ушел, но оставил после
себя звуки гор, стрельбы - напряжение
смертельное, но приводящее и к той
самой любви, будто о ней уже сказано
столько слов, но лишь слепцу пальцем
Мишу учило, но храбро собирает
почти на бумаге, стремясь на других
произвести всё вокруг себя не-обыкно-
венными мыслями, но тихой, в чём-то
местной меланхолией и чувством,
восходящим к поэту его Отчизны.
Но при всей своей мифичности Лер-
монтов оказывается прежде
жизни, его слава у Бориса Глубокого
растворяется в устах другого народа,
становясь трогательной грустной
побасенкой в песне босняка, которую,
возможно, знает с сербским
акцентом, что был такой поэт, что
нравится, что имени не помнит.

Здесь - главный миф, главная его
тайна. Лермонтов начинает растворяться,

прятаться.

Введущая первый век, время поэта, подобен, и Александр Кушнер, не называя фамилии, парой штрихов возрождает в нашем призраки Лермонтова, в котором путешественник, сейчас открывается его лицо («и хочется... ту жизнь мне разгадать»).

Более всего материала Лермонтов у Гандлевского – тот же одинокий на дороге, но обросший и одичавший. Лермонтов узнаётся по «бою», шесть строк в мещают ещё один миф – как Лермонтов прошёл через себя вселенную боль и войну и самым гонким материям. Появление у Гандлевского обязательных «навычек» превращает это небольшое стихотворение в некую мантру; и поэт будет повторять её неустанно.

Слово «писатель» во второй строке напоминает нам о том, что стремящегося или великого Лермонтова следует «отменить». Стихотворение того же Гандлевского «Барашковый, Веденский, Фет и прог.»

?

+!

как бы должно включить Лермонтова в это «прочее», разбитое на цитаты и становящееся самодостаточным поэтическим приёмом, здесь уместным, но необходимым классиком. Но этого не происходит - многие «поэты-гордецы», ратующие за свободу от «предков» стихи, рисуют отчётливо не Лермонтовские портреты. Или наследуют символистскую поэзию, творчество акмеистов, вспоминается даже «Вышгород» В. Корабевича, который сознательно изолировал себя от всего поэтического сообщества. Даже поэтическое «подполье» в лице А. Введенского косвенно цитировало Лермонтова (стоит вспомнить конкретно «Элегию» Введенского)

Это подтверждая мою мысль о том, что Лермонтовская поэзия Лермонтова способна стать - и стала - «рефлексом в поэтическом поведении», но до того простой и одновременно противоречивой, что поэты долго будут прокручивать в голове вереницу образов, заимствуя со

интонаций станет, будут пытаться
отыскать одинокого мальчика на
дороге с пистолетом в руке и
спрашивать: „Ну что ещё ты слышишь на
той горе?!".

1.

Аннотация к статье К. Герасимовой „Введенский"
составителям электронной филологической библиотеки
олимпиадников.

Двадцать лет в русской поэзии почти в
полном объёме так или иначе затрагиваемся в
школах, творчество всех существующих
поэтических объединений профанизировано
стандартными подходами, но до недавних
пор, точнее, до двадцать первого
[redacted] практически ни слова
не сказано о быстро погибшем и
бесследно исчезнувшем основателе ОБЭРИУ,
Александре Введенском. ОБЭРИУты были
известны, прежде всего, в лице Даниила
Хармса, а не уступающий ему в таланте
Введенский был пропущен-забыт-

-не учтён. Там прозвучалось до девяностых, пока Анна Герасимова, музыкант, филолог и любимая, не вынуждена статью «Введение», а вместе с ней - переиздание впервые и дополненное собрание его произведений. Помимо того, что была проделана колоссальная филологическая исследование, ценность сама по себе очень велика - особенно для человека, слышащего о Введенском впервые, впервые

Олимпиадницу, начинающему филологу, необходимо ознакомиться с этой работой, в начале знакомства с Введенским.

В разбивающуюся эру постмодерна всё с большим интересом читают „нетривиальные стихи и прозу, двадцать первый век насыщен произведениями, сочетающими в себе не только словесное, но и визуальное творчество (напр. поэзия Всеволода Некрасова) с языком и литературой ведутся порой абсурдные игры, коими переполнены рассказы и повести современного популярного писателя Владимира Сорокина. Но существует проблема

понять истоки этой литературы, зачастую многие не замечают, что новизна — это сконцентрированная классика, что авангард XX века, в частности поэтика Введенского не имеет почти ничего общего, разрывающегося тогда нее заумью.

Статья Герасимовой открывает глаза на то, что игры со словом ведутся давно и имеют серьёзные корни. Анализ произведений Введенского снабжен историко-культурными комментариями, из которых можно узнать, что тропа «время, смерть и бог» Введенского рассматривалась с разных позиций — от теософии до детского восприятия смерти. Его пьесы, на первый взгляд не более чем нарядны, восходят к мифам; и мир поэзии Введенского в статье показан чуть ли не мир авангарда ради авангарда, а филологу очень важно получить возможность видеть классику в чём-то новом, первый взгляд ощущения антиклассичным". Помимо понимания творчества Введенского

с вдохновляющихся им сейчас авангардистов, комментарии Герасимовой освещают в нужном или знакомят вновь с образами древней литературы (там, в одном из стихотворений Введенского основной тон задаёт древнегреческая литература).

Статья также помогает увидеть философию обэриутов в контексте остальной поэзии тех лет и определить основные черты отличия обэриутов от заумников и футуристов и объяснить причины их временной конфронтации.

Эта статья - на данный момент самое полное и точно охватывающее основные темы творчества Введенского, его биографию, объясняющая абсурд, что важно, наконец, для юного исследователя привитием вкуса в непростой арт-авангард-перформанс" среде современной литературной, где порой трудно отличить виртуозную пацанщину, по-детски от поверхностного подражания.

I. Интересный, незаурядный выбор работы; глубокий ана-

му статьи, который демонстрирует понимание сложных филологических работы.

к1-5 Гельфонд
к2-12 Павловец
к3-4
21 балл

+ Интересное и глубокое прочтение текстов, очень хорошая эрудиция. Есть отдельные речевые и композиционные недочеты. Гельфонд Павловец

к1-5-4-4
к2-4
к3-~~3~~4 ошибки
к4-4
к5-4
к6-5

~~33~~ 34 балла
ошибок Итого: 55 баллов